

О ключевых словах современного российского политического дискурса

© И.Г. МИЛОСЛАВСКИЙ,
доктор филологических наук

В статье рассматриваются значения некоторых слов, весьма популярных в современном русском политическом дискурсе. Автор показывает, что часто контекст, в котором употребляются эти слова, отнюдь не снимает их многозначность. Это обстоятельство, наряду с невниманием к гиперонимии и оценочности, часто представленными в значениях этих слов, приводит к тому, что читатель/слушатель воспринимает слово совсем не в том значении, которое мог иметь в виду употребивший его пишущий/говорящий.

Ключевые слова: современный политический дискурс, значение слова, многозначность, контекст, гиперонимия, оценка, производитель и получатель речевого сообщения.

The article is devoted to some key-words in modern Russian political discourse. The author shows that in many cases the context doesn't overcome polysemanticness of these words. This fact along with ignoring high abstraction of some such nouns and feature of estimation in their meaning, can cause misunderstanding in communication.

Key words: modern Russian political discourse, meaning of word, polysemanticness, context, misunderstanding in communication.

Стало уже привычным сопровождать любое научное исследование списком ключевых слов. Не наиболее часто употребленных, но именно тех, значение которых особенно важно для того, чтобы вероятный читатель сначала лучше понял саму тему (не путать с задачей!), а затем и глубже разобрался в движении (логике?) мысли автора. Разумеется, сам выбор слов, объявляемых ключевыми, носит и субъективный характер, хотя, с другой стороны, полностью зависит от содержания соответствующего текста.

Цель настоящих заметок в том, чтобы проанализировать значения некоторых слов, которые, по мнению автора, принадлежат к ключевым для современного российского политического дискурса. Разумеется, речь не идет об исчерпывающем списке таких слов современного русского языка, которые составляют фундамент многочисленных выступлений разного жанра (в первую очередь в СМИ), и посвящены тем политическим и нравственным проблемам настоящего, будущего и прошлого России, которые активно обсуждаются в обществе. С другой стороны, те слова, которые будут рассмотрены далее, без сомнения, включаются в этот фундамент, а следовательно, весьма и весьма заслуживают внимания со стороны выражаемого ими содержания, смысла. Забегая вперед, скажу, что к ним применимо, как и к слову *счастье* в гайдаровском рассказе «Чук и Гек», «это каждый понимает по-своему». Однако разные современные употребления одних и тех же слов, но с собственным значением часто не имеют даже некоторой общей части, каковую в гайдаровском *счастье* составляло «честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную и счастливую землю, которая зовется Советской страной». В наше время часто торжествует принцип Салтыкова-Щедрина, согласно которому *отечество* нередко обозначает «Ваше превосходительство».

Ценности. Общее значение этого слова, несколько по-разному проявляющееся в тех или иных контекстах, связано с «высокой ценой, большими достоинствами, важностью/нужностью для жизни». Замечу, что слово *цена* в русском языке может быть как связано с денежным выражением (*колебание цен, мировые цены*), так и относиться к сфере моральной (*цена слов, дружбы, любви*), а может теоретически предполагать и одно и другое (*любой ценой, не постоять за ценой*), хотя и с большей вероятностью в пользу второго. *Бесценный* по-русски означает «не имеющий денежного эквивалента вообще, т.е. находящийся в сфере более высокой». Ср. *полезный – бесполезный, толковый – бестолковый, корыстный – бескорыстный* и мн. др.

В современном политическом дискурсе слово *ценности* (обычно во множественном числе) употребляется с прилагательными, определяющими круг, к которому «ценности» принадлежат: *семейные ценности, моральные ценности, жизненные ценности* и т.п. Ценности предлагается

сохранять, защищать, оберегать и т.п. При этом, однако, как-то упускается из виду, что сам **набор** ценностей и в разных культурных и религиозных сообществах, и в представлении очень разных людей в основном совпадает. Расхождение начинаются там, где возникает необходимость каким-то образом иерархизировать ценности, установить среди них приоритетные, потом — важные, хотя и не приоритетные, затем не самые важные и т.п. Десять христианских заповедей установили моральную ценность определенных поступков (или воздержания от них!), не предполагая их разделения на более или менее важные. А между тем, например, христианские традиции (и юридические установления) предполагают разную степень ответственности за убийство, кражу, прелюбодеяние или лжесвидетельствование. А христианские и исламские установления, например, одинаково осуждая прелюбодеяние, весьма различно относятся к наказанию за пренебрежение к соответствующей ценности: вспомним хотя бы евангельский рассказ о Христе и грешнице.

Вся история человечества, в том числе и та, которая отражена в литературе, — это реализация одних, как кажется, более важных ценностей за счет попрания ценностей менее важных. Тарас Бульба и его сын Остап ставят «товарищество» и «отечество» выше собственной жизни, а любовь, перевернувшую жизнь Андрия, едва ли вовсе не считают ценностью вообще, однако ставят ее на весьма низкое место, даже не приближающееся к высшим для них ценностям. Процветавшие в Средние века венецианцы, снискавшие весьма дурную славу у своих ближних и дальних соседей, отправляясь в Крестовый поход, чтобы отвоевать гроб Господень, и не дойдя до него, а по дороге разграбив Константинополь, прямо провозглашали: «Сначала венецианцы — христиане потом!».

А в наши дни вопрос о том, что же большая ценность, справедливость или милосердие, остается без ответа. Конституция РФ дает возможность не свидетельствовать в суде против своих родственников, иначе, ставит ценность семейных уз выше содействия осуществлению правосудия. А широко распространенный в СССР рассказ (миф?) о Павлике Морозове пропагандировал обратное: классовые интересы — это ценность более высокая, чем ценность, заключенная в словах «Почитай отца своего и мать свою». И приверженцев именно такой иерархии ценностей находилось немало в то время, когда отказ от репрессированных властью отцов-матерей, мужей-жен и т.д. рассматривался как приверженность ценностям более высоким, чем семейные. Признание личной свободы именно как высшей ценности естественно вызывает возражение у брошенных детей, жен-мужей, неприятие со стороны коллег и соседей, но вряд ли даже эти протестующие сомневаются в том, что свобода человека — это несомненная ценность, а весь вопрос состоит в том, можно ли считать ее приоритетной, и если да, то в каких же

именно обстоятельствах. Болезни обладателя, его гениальных способностей, когда-то еще?!

Короче говоря, авторы, просто утверждая «ценности», мало продвигаются в осмыслении этой важнейшей общей характеристики общества и личности, если они не пытаются определить, какое же именно место занимает каждый принцип существования личности и общества среди других подобных принципов, какова их иерархия, что приоритетнее в той или другой ситуации. Всегда ли «Раньше думай о Родине, а потом о себе»? Правильно ли «хату покинуть – пойти воевать, чтоб землю в Гренаде (Гранаде?) крестьянам отдать»? В том, что и сам этот поступок, и его причина отражают ценности, сомневаться не приходится. Вопрос в определении приоритетности.

Традиция. Специалистам (и не только?) хорошо известно, что многие слова не только называют нечто, существующее в действительности, но и содержат авторскую оценку соответствующего феномена, положительную или отрицательную. Об одном и том же человеке можно сказать *шпион* и *разведчик*, об одном и том же событии *Бог послал* и *черт принес*, об одном и том же действии *пожаловал (к нам)* и *приперся*, об одном и том же свойстве человека *скупердай*, *снегу не выпросишь* и *рачительный* и т.п. В слове *традиция*, помимо его «сущностного» значения, указывающего на долгое бытование в жизни какого-либо явления, также есть оценочный компонент «и это хорошо, или это производителю речи нравится». Если же давно существующий порядок (явление, взгляд и т.п.) производителю речи не нравится, следует употребить слово *предрассудок*. (Это слово было в большой моде около 100 лет назад, когда, обычно употребляясь с прилагательным *буржуазный*, оно обозначало многие атрибуты «дворянско-буржуазного быта», в частности танцы, празднование Нового года и пр.)

Совершенно очевидно, что старость или новизна какого-либо явления отнюдь не прямо соотносятся с признанием этого явления ценным или вредным для дня сегодняшнего. Само прилагательное *старый*, не имея постоянного компонента «плохой», все же ассоциируется скорее с ним, чем с «хороший». *При царе Горохе* – это заведомо не только «давно», но и если не «плохо», то по крайней мере неактуально. В самом деле. Курные избы, лапти, постоянные дворы, замененные многоквартирными домами, изделиями обувной промышленности, аэропортами и вокзалами, выглядят привлекательными лишь в ностальгических рассказах и изображениях, но отнюдь не в реальной современной жизни каждого человека. Короче говоря, длительное существование в прошлом отнюдь не основание, а тем более не гарантия ценности вечной, присутствующей в настоящем, и в будущем.

Словом *традиция* часто называют такие установления, которые трудно объяснить и понять, приняв рациональную точку зрения. Именно

с таким явлением сталкивается российский школьник/студент, узнав, что в Англии нет аналога нашему 1 сентября, а школы и университеты начинают учебный год осенью, обычно в сентябре, но не в один и тот же день. Впрочем, для этой традиции есть и рациональное объяснение — таким образом удается избежать пиковых нагрузок на транспорт. Только традицией можно объяснить, что еще в середине прошлого века пассажиры носили в руках чемоданы, а учащиеся — портфели, хотя колеса, как рюкзаки и ранцы, в это время уже давно существовали.

Разумеется, утверждение о том, что не все старое (традиционное) хорошо, а все новое плохо и, наоборот, не все хорошее — старое, а все новое — плохое, распространяется и на сферу духовную. Увы, униженное положение женщины, вера в доброго царя, окруженного плохими боярами, склонность к лихоимству, нетерпимость к противоположному мнению, вольное обращение с писаными законами — все эти проявления весьма давно присутствуют в русской жизни и, если бы нам нравились, могли бы именоваться традиционными. Однако они такого именованья не заслуживают именно потому, что нам не нравятся. Следовательно, встречая в современном политическом дискурсе словосочетание *традиционные ценности* нам остается лишь догадываться, какие именно ценные характеристики имеются в виду, полагая, что они должны быть, во-первых, достаточно старыми, а во-вторых, оцениваемыми положительно. И если первое как-то достижимо, то второе — поле для самого необузданного воображения как автора, так и читателя/слушателя. Последний остается в полном неведении о сути дела, когда ему, например, сообщают о *глубоком различии современных и традиционных ценностей*.

Патриотизм. Содержание этого слова определяется обычно весьма просто, а именно как «любовь к своему отечеству, своему народу». Однако эта простота только кажущаяся. Огромную трудность создает осмысление слова *любовь*, хотя и входящего в это определение.

Дело в том, что по-русски можно *любить Машу, математику, теннис, осетрину с хреном* и т.д. и т.п. Иными словами, глагол *любить* (и его производное *любовь*, сохраняющее все семантические характеристики производящего) обладает чрезвычайно широкой сочетаемостью со словами, обозначающими весьма различные объекты действительности. Как кажется, из всех столь разнообразных употреблений слова удается выделить следующее общее значение для *любить*. *X любит Y*-а обозначает 1) «желание со стороны X-а быть как можно дольше в контакте с Y-ом» и 2) «желание Y-у всяческого добра». Это понимание отлично покрывает ситуацию, когда *Петя любит Машу*, а также *любит математику*, где любовь к занятиям математикой соединяется с желанием процветания этой науки. Разумеется, в случае с «осетриной» сохраняется лишь первая часть определения, а вторая, так сказать, зачеркивается, что очень часто происходит при сложении семантических компонентов

(например, *собака кусается*, т.е. «проявляет активность», и *свитер кусается*, т.е. «в случае прикосновения к нему», при общности «способность вызывать боль при контакте»).

Очевидно, что *любить отечество, свой народ* обозначает и желание контакта, и желание процветания. И если это так, то ни один покидающий место, где он родился, людей, с которыми он живет с рождения, не может утверждать о себе, что *патриот*? Наверное, это утверждение неточно. Речь идет о ситуации, когда эта любовь (как «контакт») оказывается меньшей ценностью для X-а, чем, например, материальное благополучие, возможность профессиональной реализации, обычная любознательность или даже любовь к вполне конкретному человеку (*Любовь* в тех обоих проявлениях, о которых говорилось).

Обращусь теперь к той части значения слова *любить*, которая касается «процветания». Нет сомнения, что разнообразные коррупционеры, грязнителю окружающей физической среды, бездельники и просто дураки своей деятельностью никак не способствуют процветанию отечества. Поведение таких наших соотечественников обычно только прикрывается содержательно невнятными пафосными заявлениями о необходимости быть *патриотом*, о том, что быть *не-патриотом* очень плохо. Хотя на самом деле поступки этих наших сограждан, в том числе и тех, кто занимает руководящие должности, обычно являются проявлением их желания обогащения для себя, своих близких и приближенных. Приоритет именно этих желаний перед желанием процветания Родины часто совершенно очевиден, а такая иерархия ценностей соотносится с семантикой глагола *любить* лишь по отношению к самому субъекту, а следовательно, отнюдь не со словом *патриот*. Добавлю, что «любовь» предполагает также и ограничение в «свободе», чтобы не навредить любимому и возможности пребывать «в контакте» с ним. И определенную степень «зависимости» от любимого объекта. Поэтому забота о *свободе* (от кого? — чего?) и *независимости* (от кого? — чего?) отечества отнюдь не единственные грани, где проявляется любовь к отечеству. Как слово *процветание* вовсе не синоним слов *свобода* или *независимость*. Последние выступают как обозначение условий процветания, но вовсе не как его гарантия.

Посмотрим на вопрос и с другой стороны. Обычно в мирное время наиболее активно заявляют о себе как о *патриотах* те, кто целиком и полностью поддерживают жесткую внешнюю политику своего правительства. Но эта позиция — всегда и во всем поддерживать жесткую внешнюю политику властей — вовсе не коррелирует со значением словосочетания *любить Родину!* *Патриотизм* как «любовь к Родине» вовсе не априорная и неизменная уверенность в том, что 1) кругом нас только агрессивные враги, а 2) наша власть в любых контактах с ними всегда права. Шумное высказывание такой позиции вовсе не есть *патриотизм*, т.е. «любовь к Родине».

Как известно, среди родителей школьников встречаются два типа людей. Одни всегда более или менее категорично отвергают любые претензии школы к их детям, а другие – внимательно к таким претензиям прислушиваются и нередко даже с ними (полностью или частично) соглашаются. Неужели родители первого типа любят (в истинном значении этого слова!) своих детей больше, а второго – меньше или не любят вовсе? Убежденность, что «во всех контактах прав именно Х», очень напоминает поведение спортивного *болельщика (фаната)*. Доходя нередко до крайности в проявлении именно такой уверенности, *фанат* всегда стоит горой за «свою» команду (спортсмена), теряя при этом всякую объективность как по отношению к другим участникам «события», так и по отношению к самому событию. Такое поведение едва ли может быть понято как «пожелание всяческого процветания», поскольку, во-первых, имеет в виду только тот или иной конкретный эпизод борьбы (как единственного типа контакта с другими командами или спортсменами), а во-вторых, абсолютно лишено взгляда за пределы такого момента, не подразумевает никакого осмысления будущего для, так сказать, любимого объекта.

Разумеется, *патриотизм* как «любовь к Родине и народу» не может носить только конкретный эпизодический характер, он непременно предполагает систематическую осмысленную работу рук, сердца и ума, а не крикливое восхваление всего «своего» по отношению ко всему другому, презираемому и оскорбляемому. Добавлю в связи с этим, что любовь к своему никак не означает ненависть, презрение, унижение, оскорбление в отношении «чужого». *Любовь* в словосочетании *любить своих детей* означает то же самое, что и *любить* свою Родину, а слово *патриотизм* в обоих случаях совсем не есть обозначение «проявления такой любви». А если в первом случае слово *патриотизм* никогда и не употребляется, в во втором – имеет совсем другое значение «априорная убежденность в правильности всех жестких внешнеполитических действий власти», как проявлении всеобъемлющего превосходства «своего» над «чужим». Короче говоря, *любить* – это не считать свое и себя всегда самым лучшим, но работать ради того, чтобы оно таким стало.

Закончу тем, что глубокая связь между словами *патриотизм* и *война* установилась не в последнее время. Вспомним хотя бы сложное прилагательное *военно-патриотический (нафос, воспитание, тема* и пр.). Содержательная замена любви, заботы, усилий для процветания Родины на самоотверженную борьбу с врагами, подлинными и объявленными, никак не гарантирует счастливой жизни людей на своей Родине, подменяя собой лишь «достойное (?) место среди других государств».

Государство. Это слово употребляется в трех значениях. В качестве обозначения «страны» (*государства Европы*). В качестве обозначения того, как организована обычная жизнь людей (*феодалное государство*).

И в качестве обозначения организованной группы лиц, осуществляющих властные функции (*государство выделило средства на образование*). При этом весьма часто слово *государство* выступает в тех контекстах, где зафиксированная многозначность никак не преодолевается в пользу однозначного понимания. *О социально не защищенных должно заботиться государство — государство* как «организованная структура» или *государство* как «власть»? *Конституция — Основной закон государства — государства* как «страны» или как «организованной структуры»? *Политика, враждебная интересам государства — интересам «организации»* или интересам «власти»? Отмечу, что в каждом из приведенных примеров возможны оба толкования, а следовательно, возможно и полное взаимное понимание отправителя и получателя, и такое, так сказать, понимание, при котором осмысление слова участниками коммуникации не совпадает. А если так, то такая коммуникация явно находится в зоне большого риска.

Отмечу, что при понимании *государства* как «власти» обычно остаются совершенно неясными те конкретные лица, которые имеются в виду. А при понимании *государства* как «организации» в таком же положении находятся те элементы структуры, институты, которые эту структуру создают. Уход от конкретики в таких случаях демонстрируют такие выражения, как, например, *в Кремле считают, Белый дом возражает* или *рука Москвы, Париж согласен на переговоры* и т.п., где подразумевается, скорее всего, власть, однако это обозначено весьма невнятно и размыто.

Замечу, что именно «власть» в самых разнообразных ее проявлениях часто выступает также в качестве неназываемого субъекта действия в страдательных конструкциях: *Ваш вопрос решается, Курить запрещается, В плане предполагается...* (кем?) — и неопределенно-личных предложениях: *Вопрос решают, Курить запретили* (ср. также *есть мнение, поступило указание* и т.п.).

Выскажу предположение, что говорящие по-русски, часто избегая упоминания субъекта, производителя действия, представляя это действие как совершающееся само собой, особенно тактичны (?) в своем стремлении не упоминать «власть» как субъект и источник множества весьма неприятных действий. Слово *государство* выступает в таком случае весьма эффективным средством, позволяющим уйти от точной номинации.

Культура. Слово *культура* также употребляется в нескольких значениях. В качестве основных можно выделить несколько случаев. Бытовая культура как соблюдение определенных норм в повседневной жизни, гигиенических, утилитарных, поддерживающих физическое здоровье и т.п. Культура в отношениях между людьми в разных коллективах, в поведении, в коммуникации, во внимании не только к самому себе, но и к другим и т.п.

К глубокому сожалению, словосочетание *культура речи* утвердилось в русском языке не как обозначение требования к высокому качеству исполнения ролей в коммуникативном акте, но ограничивается лишь требованием к соблюдению формальных языковых норм. Такое самоуничижительное для лингвистики сужение предмета, вполне объяснимое в середине прошлого века, выглядит более чем странно в наше время и, к счастью, нередко преодолевается в преподавательской практике. Этим двум связанным значениям противостоит культура как обозначение высоких достижений человечества, преимущественно в художественной области, в музыке и поэзии, живописи и литературе и пр.

В последнее время бытовая культура все чаще сопрягается с художественной в таких областях, как архитектура, дизайн и др. При этом разнообразные результаты, достигаемые художественной культурой, равно как и процессы, к этим результатам ведущие, требуют своих организационных и вполне материальных структур — музеев и кинотеатров, театров и училищ и др. И это разнообразное хозяйство тоже принадлежит к области, называемой культурой. Поэтому, когда речь идет, например, о *министерстве (министре) культуры*, можно предполагать и «высшие достижения», и «хозяйство, связанное с сохранением и созданием таких достижений». Впрочем, не полностью исключено и другое. По словам одного деятеля культуры («высшие ценности»), его огорчает не министр культуры, но культура министра («бытовая» или «связанная с отношениями между людьми?»).

Видимо, различие этих двух сфер отразилось и в противопоставлении *деятеля культуры (режиссер, художник, артист и пр.)* и *работника культуры (служащий министерства, музея, театра и пр.)*. М. А. Булгаков писал, что, поступив на административную работу в МХАТ, он получил удостоверение сотрудника МХАТ. Так же официально называли и ведущих артистов. Это различие чрезвычайно важно: ср., например, *член президиума РАН и референт президиума РАН, работать в науке и состоять при науке, заместитель по научной работе и по хозяйственной части* и мн. др., когда необходимо различать главное целевое назначение некой структуры и заботу о создании условий для эффективной работы этой структуры (ср. также *администрация Президента и управление делами Президента*, где из самих названий не ясно принципиальное различие в сферах деятельности обеих структур, *секретарь партии и секретарь директора* и мн. др.).

Смещение двух видов деятельности: деятельности, направленной на достижение высот человеческого духа, и деятельности по обеспечению условий для достижения новых высот и сохранения результатов старых — приводит к увеличению удельного веса второго компонента (он обычно достаточно весом, груб и зрим) за счет умаления доли первого. Здесь сразу же возникает вопрос, кто, когда, каким образом выделит

действительно «высшие достижения». В самом деле, этот вопрос, который, как кажется, должен решаться в пользу самих творцов, с учетом исторического опыта остается без однозначного ответа. Однако «логика», согласно которой «обеспечение условий» предопределено пользой (или вредом?) для существующей власти, что на первый взгляд представляется убедительным, базируется на полном непонимании значения слова *культура* как «высших проявлений творческого духа человека». Эти проявления обладают совсем иным масштабом, сущностным и историческим, чем те, что вписываются в понятия, обозначаемые словами *политика* и *пропаганда*.

Аргумент «Почему мы (власть) должны давать деньги на создание произведений, вредных для нас?» отражает ложные представления не только о культуре. Речь идет и о ложном преувеличении представлений чиновников о собственной роли не только в оценке культурных достижений, но и о наивной убежденности в собственной принадлежности к вечности. Ведь только длительный исторический опыт обычно выносит свои приговоры относительно того, какие проявления художественного творчества остаются как высшие достижения культуры, а какие — нет. Решать эти вопросы, исходя из сиюминутной целесообразности, значит абсолютно не понимать, что же стоит за словом *культура* в значении «высшие художественные достижения». Впрочем, это понимание уже достаточно запутано в русском языке множеством других значений этого слова.

Приведенные соображения, как кажется, имеют не только самодовлеющий интерес. Очевидно, что в головах наших соотечественников царят, как следует из многих опросов ВЦИОМ, взаимоисключающие мнения и оценки относительно фундаментальных принципов организации жизни современного общества. Подчеркну, что речь в данном случае не о так называемом «расколе» в обществе, но о «разрухе» во множестве каждой из отдельно взятых голов. Представляется, что в значительной степени за это не внушающее исторического оптимизма состояние ответственность лежит именно на лингвистической науке, которая не приучила общество самым внимательным образом относиться к содержательной части в значении слова. Не к эмоциональной оценке, не к проявлению грубости, невежливости, нецензурности, а именно к тому, какая же именно реальность стоит за словом в данном конкретном его употреблении. Невнимание к сущности обозначаемого, весьма приблизительное и часто очень субъективное осмысление называемого, создавая видимость коммуникации, предопределяет крайне низкое ее качество. Если, конечно, считать коммуникацией не просто акт, как таковой, но полное и точное понимание мысли автора, собеседника, говорящего, пишущего. А также способность в точном соответствии с замыслом выразить собственную мысль, оформляя ее так, чтобы она была

понятна для партнера и выглядела уместно в определенных условиях коммуникации.

Сосредоточенность преимущественно на правилах орфографии и пунктуации как высшей ценности при обучении русскому языку в школе ведет к интеллектуальной деградации людей, говорящих по-русски только на темы, не выходящие за пределы быта. Занятные рассказы о происхождении слов и фразеологизмов, рассуждения о том, «как правильно?» в отношении исключительно формальной стороны зачастую очень редких слов и выражений, развеселые обсуждения более или менее безвкусных словесных упражнений в СМИ и Интернете, издание «Самоучителя олбанского языка», пропаганда «языка падонкафф» и прочая подобная активность многих коллег создает опасную видимость внимания и любви к русскому языку, а на деле игнорирует главное оправдание самого существования языка — смысл. Превращает коммуникацию на русском языке в формальную игру, заменяя таким образом развитие способности наших соотечественников внятно осмыслять с помощью средств русского языка свои представления об окружающем мире и достигать на этой основе взаимопонимания между собой.

МГУ им. М. В. Ломоносова